

О. А. ДЕРЖАВИНА

Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в.

Произведения, отражающие события начала XVII в., неоднократно привлекали к себе внимание ученых, как историков, так и литературоведов. Историки первыми обратились к этим памятникам. Они искали в них исторические сведения, интересовались в первую очередь фактами, изложенными в произведениях писателей начала XVII в., и их достоверностью. Так подходили к памятникам, им известным, и виднейшие историки XVIII и XIX вв. (Татищев, Карамзин, Погодин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, Платонов) и другие, менее значительные, исследователи-историки (Бутурлин, Арцыбашев, Устрялов, Краевский, Полозов, Белов, Киссель, Муравьев, епископ Филарет, Тюменев и др.). Последние часто изучали не всю совокупность фактов, описанных в исследуемых ими произведениях, а лишь отдельные события, например обстоятельства смерти царевича Димитрия, осаду Троице-Сергиева монастыря поляками в 1610—1611 гг. и т. п.

Эти работы, несомненно, представляют интерес для каждого, занимающегося памятниками начала XVII в., так как здесь собрано много любопытных и ценных сведений о событиях и людях этой эпохи, но в то же время они уже не могут удовлетворить современного читателя. Изучая изображение событий эпохи так называемой «Смуты» в памятниках XVII в., историки XVIII и XIX вв. не могли, стоя на позициях дворянско-крепостнической (Татищев, Карамзин), или позднее — буржуазной (Ключевский, Платонов) идеологии, правильно понять и по-настоящему раскрыть точку зрения писателей XVII в. на события своего времени. Их мало интересует классовый характер всех этих описаний, субъективность писателей — представителей той или иной группы, которая достаточно ярко выражена в оценке событий и лиц «Смутного времени», данной в памятниках первой трети XVII в. Этих историков в первую очередь интересуют факты, а не идеи, отраженные в памятниках, хотя эти идеи имеют, как известно, огромный исторический интерес.

Следует указать также, что не все памятники, интересующие нас, нашли в трудах дореволюционных историков достаточно полное освещение даже со стороны их исторической достоверности. Некоторым из них более посчастливилось, другим — менее. И. И. Полосин в своей статье «Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века»¹ указывает, что «Временник» Ивана Тимофеева — один из интереснейших памятников начала XVII в. — долгое время находился совершенно вне поля зрения лиц,

---

¹ Ученые записки Московского Гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. 60, Кафедра истории СССР, вып. 2. М., 1949, стр. 135—192.

интересовавшихся событиями конца XVI и начала XVII в., хотя иногда и упоминался в общих обзорах древней письменности.²

Напротив, к «Сказанию» Авраамия Палицына историки обращаются очень часто. Труд Палицына долгое время считался самым достоверным источником по истории так называемой «Смуты» и постоянно использовался в исторических трудах. Издание полного текста «Сказания» Авраамия Палицына, осуществленное впервые в XVIII в. (в 1784 г.), было повторено в начале XIX в. (в 1822 г.). Оба издания выполнены Синодальной типографией. Какой список был положен в основу первого издания, неизвестно. Текст не выверен по лучшим спискам, содержит много неточностей и ошибок, которые повторяются и во втором издании, слово в слово совпадающем с первым.

Из прочих памятников в течение XIX в. были изданы следующие: 1) так называемая «Рукопись Филарета»,³ 2) «Новый летописец»,⁴ 3) «Сказание о Гришке Отрепьеве»,⁵ 4) «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»,⁶ 5) «Иное сказание»,⁷ 6) «Повесть о видении некоему мужу духовну»,⁸ 7) «Четыре сказания о Лжедмитрии»,⁹ 8) «Повесть», приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому,¹⁰ 9) «Житие преподобного Иринарха»,¹¹ 10) «Повесть о разорении Московского государства всяя Российской земли»,¹² 11) «Статьи о смуте из Хронографа 1617 г.»,¹³ 12) «Повесть о князе М. В. Скопине-Шуйском».¹⁴

Кроме того, отрывок из «Повести», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому, под заглавием «Сергея Кубасова написание вкратце о царех московских» был напечатан в «Хрестоматии памятников древнерусской литературы и народной словесности», составленной Ф. Буслаевым.¹⁵

² Пр. Филарет. Обзор русской духовной литературы, 1, § 204; А. В. Старчевский. Очерки литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, стр. 86—87; П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 269—271; В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1889, стр. 102; С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, т. III, стр. 62 и сл.

³ Так называемая «Рукопись Филарета», с предисловием и примечаниями Мухомова. М., 1837.

⁴ «Новый Летописец», изданный Оболенским. М., 1853.

⁵ Издано в ЧОИДР (1846—1847, IX) и отдельно (М., 1847) под заглавием «Сказание и повесть о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его».

⁶ Издано по неисправному списку (с пропусками и без конца) в кн.: ВОИДР, кн. V. М., 1850, Смес., стр. 56—61.

⁷ Издано в XVI книге ВОИДР (М., 1856, Материалы, стр. 1—80) под ред. И. Д. Беляева.

⁸ См.: ЛЗАК за 1861 г., вып. 1. СПб., 1862, отд. II, стр. 52—56.

⁹ Изд. Ростопчина. СПб., 1863.

¹⁰ Издана А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (М., 1869, стр. 283—315).

¹¹ Издано арх. Амфилохием под заглавием «Житие преподобного Иринарха затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье реке» (М., 1869). Текст подновлен.

¹² М., Общество истории и древностей российских, 1881.

¹³ Изд. А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей...» (см. то же в издании Ростопчина: Четыре сказания о Лжедмитрии. СПб., 1863). Отповедь в защиту патриарха Гермогена, вызванная одной из статей этого Хронографа, напечатана в заметке П. Г. Васенко «Новые данные для характеристики патриарха Гермогена» (ЖМНП, 1901, № 7, отд. 2, стр. 140—142).

¹⁴ Издана А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей...» и — в другой редакции — в Приложении к «Отчету» ОЛДП за 1904 г. под ред. П. Г. Васенко.

¹⁵ Изд. 4, М., 1888.

В 1891 г. Археографическая комиссия издает XIII том РИБ, целиком посвященный памятникам, относящимся к событиям и лицам «Смутного времени». Здесь впервые была напечатана первая редакция начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына (по списку Московской духовной академии № 175) и ряд других ранее не напечатанных произведений.

Следует еще упомянуть издание памятников, относящихся к «Смутному времени» и извлеченных из рукописей ГПБ и Главного Штаба, вышедшее в Петербурге в 1872 г. под редакцией М. Кояловича. Это издание как бы подготовило появление XIII тома РИБ.

Из работ исследователей прошлого века многие посвящены «Сказанию» Авраамия Палицына. Эти работы ставят вопрос о достоверности сведений, сообщаемых в произведении, пытаются характеризовать личность автора, Палицына, и его роль в описанных событиях и попутно касаются вопроса о жанре произведения. Исчерпывающий литературный анализ памятника, естественно, не входит в задачи исследователей. Е. Болховитинов говорит об авторе «Сказания» как о «муже достопамятном в списке патриотов, спасших Россию от бедствий в начале XVII века», но отмечает некоторую субъективность в его изложении. В «Словаре» Болховитинова мы читаем первую биографию Палицына.¹⁶

П. Строев пытается определить жанровую природу памятника и указывает на имеющиеся его списки. По его мнению, «Сказание» — это «чудословная повесть, написанная по образцу монастырских повестей XVI века».¹⁷

Из старых работ, кроме упомянутых выше, известны: 1) статья И. Воронова «Нечто об Авраамии Палицыне»,¹⁸ 2) статья И. М. Снегирева «О месте погребения Авраамия Палицына»,¹⁹ 3) статья Сахарова «Авраамий Палицын, Иоанн Наседка и святой архимандрит Дионисий».²⁰

Второй этап изучения «Сказания» открыла статья Д. П. Голохвастова «Замечания об осаде Троицко-Сергиевой лавры поляками (1608—1610 год) и описание оной историками XVII—XVIII—XIX столетий».²¹ Это первая развернутая работа о «Сказании», пользующаяся документами. Полемицизируя с учеными-историками начала XIX в., всецело доверявшими сведениям, сообщаемым в «Сказании», автор указывает несоответствие произведения исторической правде и называет его «духовно-исторической эпопеей о чудесном спасении монастыря и всей России».

Отмечая литературные достоинства памятника (реализм описаний, простоту языка), Голохвастов выдвигает предположение, что не все «Сказание» написано Палицыным, что он был лишь редактором произведения, который, собрав чужие записки, выдал сочинение под своим именем; автор статьи характеризует Палицына как человека сомнительных патриотических достоинств, уклончивого, ловкого, хитрого, искавшего прежде всего своих личных интересов, иногда без разбора средств.

С ответом на статью Голохвастова выступает А. В. Горский в статье «Возражения против Замечаний об осаде Троицкой лавры».²² Статья написана в защиту старого взгляда на осаду монастыря и Палицына. Возражая против ряда положений статьи Голохвастова, Горский в то же время указывает на самостоятельное существование отдельной редакции первых

¹⁶ Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I. Изд. 2. СПб., 1827, стр. 4.

¹⁷ Библиологический словарь и черновые к нему материалы СПб., 1882, стр. 11—12.

¹⁸ Московский телеграф, 1833, ч. 51, № 12, стр. 632—634.

¹⁹ Московский наблюдатель, 1836, кн. 6.

²⁰ Северная пчела, 1842, № 58.

²¹ Москвитянин, 1842, № 6—7.

²² Москвитянин, 1842, ч. 6, № 12.

шести глав «Сказания», т. е. кладет начало сравнительному текстологическому изучению двух редакций начальных глав памятника. В ответе на возражения Горского Голохвастов приводит ряд новых доказательств, подтверждающих положения своей первой статьи, и указывает, что не может принять «исторической апофеозы, которой он (Палицын, — О. Д.) удостоился в половине прошлого столетия».²³

В 70-е годы XIX в. вокруг «Сказания» Палицына вновь разгорается полемика, в которой принимает участие И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров и С. Кедров.²⁴ Главная тема полемики — морально-этическая ценность личности Палицына как человека и общественно-политического деятеля. Оценка моральных качеств Палицына подменила здесь изучение идейного смысла его произведения и его самого как писателя. Литературной стороны «Сказания» указанные авторы не касаются. Работа Кедрова рисует перед нами идеальный образ Палицына и совершенно некритически относится к сведениям, которые он сообщает. Цель автора — реабилитировать Палицына и превознести его личность как патриота и как писателя. Более интересной является статья того же автора «Авраамий Палицын как писатель»,²⁵ так как здесь дается сличение редакций начальных глав и упоминается о художественных особенностях произведения. Работы Кедрова не могут удовлетворить современного исследователя и интересны лишь тем большим биографическим и историческим материалом, который в них собран. С положениями работ Кедрова удачно polemизирует Забелин в новых изданиях своей книги, вышедших в 1896 и 1901 гг.²⁶

Среди исследований о памятниках «Смутного времени», написанных учеными-историками дореволюционного периода, выделяется работа С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник».²⁷ В предисловии к этой книге исследователь отмечает не только историческое, но и литературное значение произведений начала XVII в. «Литературный характер произведений о Смуте, — читаем мы здесь, — очень разнообразен. . . Не одно повествование о фактах составляет задачу всех этих литературных памятников: среди них часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические, в которых фактическая сторона имеет лишь служебное значение. Такая особенность делает большую часть произведений о Смуте пригодными более для характеристики литературных мнений и движений общественной мысли в Смуту, чем для истории внешних фактов Смутного времени».²⁸

В задачу исследования Платонова, как свидетельствует он сам, не входило изучение упомянутых памятников с их литературной стороны. Он ограничивается в своей книге лишь указанием на тот или иной литературный факт, не вдаваясь в его анализ с литературной точки зрения. С этой стороны, по мнению Платонова, эти памятники ждут еще своего исследователя, так как до сих пор они служили и служат гораздо более источни-

²³ Ответ на рецензию и критику «Замечания об осаде Троицкой лавры. М., 1844» (Москвитянин, 1844, № 7).

²⁴ Н. И. Костомаров. 1) Личности Смутного времени. Вестник Европы, 1871, № 6; 2) Кто виноват в Смутном времени? Там же, 1872, № 9; И. Е. Забелин. Минин и Пожарский. Русский архив, январь, 1872; С. Кедров. Авраамий Палицын. М., 1880.

²⁵ Русский архив, 1886, № 8.

²⁶ Из второстепенных исследований, написанных в том же плане, известны: работа А. С. Сербина «Келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын, знаменитый деятель, сподвижник, защитник русской земли в мрачную эпоху самозванцев» (М., 1850), статья Е. Воронцова «Сказание Авраамия Палицына» (журнал «Вера и разум», 1903 г.) и некоторые другие. Ничего нового эти работы не дают.

²⁷ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, 1-е изд., 1888; 2-е изд., 1913.

²⁸ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, стр. X.

ками исторических сведений, чем предметом историко-литературных наблюдений. Однако свою книгу Платонов называет «сводом литературных характеристик», которые при дальнейшем изучении предмета могут пополняться, но «всегда будут служить точкой отправления для будущих изысканий», как «первый шаг к изучению данного историко-литературного явления».²⁹

Книга С. Ф. Платонова дает для литературоведа ряд ценных исторических и библиографических указаний, пытается установить хронологию последовательного появления памятников и их зависимость друг от друга, разбирает их источники и отдельные редакции, характеризует авторов и попутно касается литературных достоинств того или иного памятника. Автор указывает в разбираемых им повестях и сказаниях о «Смуте» стремление к риторической красоте изложения в ущерб исторической точности, а также наличие агнографического и фольклорного элемента. Все эти замечания и указания действительно могут в известной степени служить отправной точкой при изучении произведений первой трети XVII в. как памятников литературных. Однако, являясь представителем буржуазной науки, С. Ф. Платонов, исследуя историческую ценность произведений начала XVII в., недостаточно полно раскрывает их идейный смысл, отрицает их от исторических условий, в которых они возникли. Отмечая любопытные сдвиги в мышлении писателей начала XVII в., он не объясняет и не обобщает их.

Эту недооценку идейной стороны произведений в работе Платонова в свое время отметил В. О. Ключевский.³⁰ Анализируя выводы Платонова, Ключевский указывает, что «автор не вводит в состав этого материала политических мнений и тенденций, проводимых в памятнике, считая их только „литературными“, а не историческими фактами и, таким образом, смешивая или отождествляя не вполне совпадающие понятия исторического факта и исторического события или происшествия». Сказав о той роли, какую сыграли в дни «Смуты» «Повесть попа Терентия» и некоторые другие произведения, Ключевский указывает далее на разнообразие жанров, использованное авторами произведений о «Смутном времени», на литературное и историческое значение «Временника» Тимофеева как историко-политического трактата, «автор которого знает приемы научного изложения и требования исторической объективности и умеет их формулировать: под неуклюжей вычурностью его изложения просвечивают исторические идеи и политические принципы». Дав такую общую характеристику труда Ивана Тимофеева, В. О. Ключевский не развивает своих положений подробно, и перед читателем встает вопрос, какие же идеи и политические принципы проводит Тимофеев в своем труде и какими приемами изложения он пользуется, чтобы выполнить требования исторической объективности. Не анализируется им, естественно, и «неуклюжая вычурность» стиля. Ключевский отмечает также литературную стройность и оригинальность статей о «Смуте» в Хронографе 1617 г.³¹

Совершенно согласен с Ключевским и В. С. Иконников. Он указывает на разнообразие у писателей эпохи «Смуты» изложения и в з г л я д о в н а

²⁹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник. Сочинения, т. II, стр. XVI—XVII.

³⁰ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1890, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.

³¹ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.

происшедшие события. «В повествованиях современников, — говорит он, — чувствуется потребность выйти на более широкий путь освещения событий, их преемственной связи при участии личного понимания писателя».³²

На литературную сторону изучаемых памятников из историков XIX в. обращает внимание также А. А. Тюменев. Рассматривая детально в связи с изучением легенды о смерти царевича Димитрия все относящиеся к «Смутному времени» повести, жития и сказания, Тюменев определяет время появления каждого памятника, устанавливает прямую зависимость некоторых из них друг от друга и анализирует их как с точки зрения исторической достоверности, так и со стороны литературных качеств. Отмечая в некоторых из них ряд легендарных вставок и сказочных оборотов речи, он ставит эти повести и сказания в связь с народным творчеством, ссылаясь на исторические песни и былины о Димитрии царевиче. «Убийство царевича Димитрия, — говорит Тюменев, — только самый яркий, но далеко не единственный пример признания в литературе XVII века голословных слухов и легендарных рассказов историческими фактами».³³

Несколько ценных указаний о литературном значении памятников начала XVII в. дается в «Обзоре хронографов русской редакции» А. Попова.

Из работ этого времени, касающихся частных вопросов, необходимо отметить вышедшую в 1900 г. статью П. Васенко «О редакциях Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского»,³⁴ очень ценную для литературоведа. Сопоставляя краткую редакцию «Повести», известную по списку ГПБ,³⁵ с той, которая читается в Хронографе Кубасова, П. Г. Васенко приходит к убеждению, что эта последняя пространная редакция более позднего происхождения. Он указывает еще третью, промежуточную, редакцию «Повести», сохранившуюся в сборнике из библиотеки графа Уварова.³⁶

Особый интерес к памятникам начала XVII в. наблюдается в 1908—1913 гг. в связи с юбилейной датой 300-летия царствования дома Романовых. В эти годы вторично переиздается XIII том РИБ. Это 2-е издание XIII тома, осуществленное в 1909 г., представляет собой пока незаменимый и почти исчерпывающий сборник произведений первой трети XVII в.

Сверх ранее изданных и упомянутых выше памятников (кроме «Рукописи Филарета» и «Нового летописца»), сюда вошли: 1) «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», 2) «Новая повесть о преславном Российском царстве», 3) несколько повестей о «чудесных видениях», 4) «Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию», 5) «Временник» Ивана Тимофеева, 6) «Сказание» Авраамия Палицына в полном виде, 7) «Повесть» («Словеса дней и царей») князя Ивана Хворостинина, 8) вторая редакция «Повести», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому, 9) «Сказание о царстве царя Федора Ивановича», 10) повесть князя Шаховского, 11) жития царевича Димитрия из мины Тулупова и из мины Милютина, 12) «История о патриархе Иове Московском», 13) «Сказание о Самозванце» по списку Московского публичного музея № 3141.

Выполненное строго научно по лучшим из имеющихся списков, снабженное разночтениями, издание это явилось ценным вкладом в изучение

³² В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства, стр. 102.

³³ А. А. Тюменев. Пересмотр известий о смерти царевича Димитрия. ЖМНП. 1908, № 5—6.

³⁴ Записки Русского археологического общества, т. XI, вып. 1—2, 1900.

³⁵ Шифр списка: Q.IV.154.

³⁶ См. РИБ, т. XIII, стр. XXII.

перечисленных памятников, впервые представших во всем многообразии и богатстве своего содержания и формы. Том переиздавался еще раз в 1925 г., но в него вошла лишь часть напечатанных во 2-м издании произведений, поэтому новое, 3-е издание не может заменить издания 1909 г.

Некоторые памятники, вошедшие в XIII том РИБ, были выпущены Археографической комиссией отдельными оттисками. Так, в 1907 г. были напечатаны «Новая повесть» и «Иное сказание», в 1909 г. — «Сказание» Авраамия Палицына и «Статьи о смуте из Хронографа 1617 г.», в 1910 г. — «Повесть о некоей брани, належщей на Великую Россию». В то же время в 1909 г. в Москве выходят «Памятники истории Смутного времени» под редакцией А. И. Яковлева.

В 1912 г. в Петербурге под редакцией С. Ф. Платонова и Е. Ф. Тураевой-Церетели печатается сборник «Памятники Нижегородского движения в эпоху „Смуты“ и Земского ополчения 1611—1612 гг.». В него вошли документы и ряд отрывков из различных произведений начала XVII в.

В те же годы переиздается книга Платонова и появляется ряд новых работ, посвященных памятникам и историческим деятелям начала XVII в. Такова статья П. Васенко «Дьяк Тимофеев — автор Временника».³⁷ Васенко поставил себе задачей «изучить Временник как историографическое явление, ... проследить зависимость Тимофеева от взглядов и приемов XVI в., а затем выяснить, были ли какие-нибудь новые мотивы в труде дьяка Ивана». Статья содержит немало сведений, интересных для историка литературы, но собственно литературного анализа труда Ивана Тимофеева она не дает, литературных приемов его работы не выясняет и рассматривает этот памятник главным образом как труд исторический.

В том же 1908 г. в работе В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» дается библиография по «Сказанию» Авраамия Палицына.³⁸ Ряд интересных мыслей об идейном значении «Временника» и начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына содержит статья А. Яковлева «Безумное молчание»,³⁹ рассматривающая эти произведения главным образом со стороны их публицистической направленности. Как указал С. Ф. Платонов, оба произведения имеют в этой области много общего. А. Яковлев и стремится раскрыть это общее, показывая, что эти произведения отражают «переработку общественного сознания» русских людей, переживших в начале XVII в. сложный психологический перелом. Яковлев касается и вопроса о языке изучаемых произведений, он говорит: «Источник болезненной неясности Тимофеева, одинаково мучительной для автора и для читателя, не столько, кажется, в желании что-то спрятать в намеках и что-то недоговорить, сколько в желании высказать что-то такое, что он не в состоянии выразить, в его стремлении при помощи тех слов, какими он располагает, передать не существовавшие в мышлении древнерусского человека понятия. Ему просто не хватает слов для обозначения всех вскрывшихся отношений и свойств общества».

Из двух указанных авторов Яковлев, несмотря на трудность языка, отдает предпочтение Тимофееву, называя его «Временник» «самым любопытным памятником Смутного времени». Сравнивая размышления Тимофеева с произведениями, предшествующими его труду, и со «Сказанием» Авраамия Палицына, Яковлев раскрывает постепенный ход мыслей дьяка Ивана и замечает, что «он мыслит глубже, чем авторы предыдущих сказаний». Литературной, художественной стороны произведений Яковлев совершенно

³⁷ ЖМНП, 1908, № 3, стр. 88—121.

³⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 1830—1859.

³⁹ Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 651—679.

не касается. Спорная в ряде положений статья Яковлева несомненно интересна как одна из первых попыток уяснить точку зрения людей начала XVII в. на события своего времени.⁴⁰

Из сделанного обзора можно заключить, что исследователи XIX и начала XX вв., главным образом историки, немало сделали для изучения памятников первой трети XVII в. Они привели в известность весь наличный материал, выделили ведущие произведения, наметили основные проблемы, связанные с их изучением (проблемы редакций, авторства, жанра, стиля), и вплотную подошли к изучению памятников «Смутного времени» как литературных произведений.

Если мы обратимся теперь к общим курсам и систематическим обзорам русской литературы дореволюционного периода, то далеко не везде найдем даже упоминание о повестях эпохи «Смутного времени». Так, мы ничего о них не находим в «Истории русской словесности» А. Д. Галахова,⁴¹ в труде под тем же заглавием И. Д. Порфирьева⁴² и даже в «Истории древней литературы» М. Н. Сперанского.⁴³ В. А. Кельтуяла в своем «Курсе истории русской литературы»⁴⁴ посвящает памятникам эпохи «Смуты» одну страницу, заметив при этом, что в эту эпоху «литературное творчество отошло на задний план». Он ограничивается перечислением памятников и несколькими общими замечаниями. А. Н. Пыпин более подробно говорит о памятниках начала XVII в., но дает им очень суровую и несправедливую оценку. Он указывает на стремление авторов в повестях о «Смуте» к условной литературной форме, к «красоте изложения» в ущерб фактичности и даже смыслу, наличие элементов агиографических и народно-легендарных, влияние общепризнанных взглядов на характеристику исторических лиц и событий. Все это, по мнению Пыпина, снижает ценность разбираемых произведений. «Литература исторических рассказов о Смутном времени, — говорит исследователь, — довольно значительна. Это традиционная летописная манера, где хотя и выдаются собственные сочувствие или враждебность писателя к лицам и событиям, но все-таки нет объяснения внутреннего значения и связи событий. Когда такой писатель рассказывает биографию излюбленного деятеля, он пишет натянутым языком жития, и если хочет придти к общему выводу, то на место истории становится церковное поучение».⁴⁵ Итог анализа получается далеко не утешительный: повести о «Смуте» не только не ценны как исторический источник, но не интересны и как литературные произведения, так как ничего нового по сравнению с XVI в. не дают.

Более глубокий литературный анализ памятников начала XVII в. дает профессор А. С. Архангельский в своей книге «Литература Московского государства». Он использует ценные указания на литературные достоинства памятников, сделанные С. Ф. Платоновым, что и помогает ему избежать односторонних выводов, которые так резко были высказаны Пыпиным. А. С. Архангельский называет разбираемые памятники «чрезвычайно интересным циклом московских повестей и сказаний» и указывает в них как традиционные, так и новые черты.⁴⁶ Архангельский, как и Ключев-

⁴⁰ О политических взглядах дьяка Тимофеева см также в книге В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти» (Пгр., 1916, стр. 362—370).

⁴¹ См. 2-е изд., СПб., 1880; глава 2 этой книги о древнерусской повести, написанная А. Н. Веселовским, повестей о «Смуте» не касается.

⁴² История русской словесности, ч. 1. Изд. 5, Казань, 1891.

⁴³ Изд. 2. М., 1914.

⁴⁴ Курс истории русской литературы, ч. 1. История древней русской литературы СПб., 1911.

⁴⁵ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, гл. 11, стр. 455—465.

⁴⁶ А. С. Архангельский. Литература Московского государства. Казань, 1913, стр. 250—263.

ский, отмечает публицистический характер повестей о «Смуте» и пытается анализировать те вопросы и идеи, которые волновали публицистов XVII в. Рассматривая влияние на повести о «Смуте» устнопоэтической легенды, народной поэзии, Архангельский не ограничивается, как предыдущие исследователи, простой ссылкой на «Повесть о Скопине-Шуйском», а более или менее детально анализирует как ее, так и «Сказание о царстве Федора Иоанновича», в котором находится ряд легендарных и даже сказочных подробностей. Разбор произведений заканчивается анализом «повести-поэмы» Катыврева-Ростовского, где, по словам исследователя, «в книжный рассказ вносятся эпические приемы».⁴⁷ Как видим, эта книга делает уже значительный шаг вперед в литературном анализе повестей о «Смуте» по сравнению с ранее разобранными исследованиями.

Е. А. Петухов в своей книге «Русская литература» также использует выводы Платонова о повестях и сказаниях «Смутного времени»; он находит в высокой степени интересным для историка литературы наличие в них народнопоэтического элемента; вместе с тем «в них ясна связь с преданиями литературы XV—XVI веков, что делает особенно ценными эти произведения, как свидетельства совершенно самостоятельной струи в ходе московской письменности XVII века, рядом с другим течением, шедшим из Киева. На некоторых повестях Смутного времени можно наблюдать даже ясные следы влияния известных литературных образцов XV и XVI в., например, „Повести о Царьграде“, „Казанской истории“, летописей».⁴⁸

Наблюдения Е. А. Петухова верны в той части, где он говорит о свободе памятников начала XVII в. от влияния, как он ее называет, «юго-западной схоластической школы» и отмечает в повестях «Смутного времени» черты, сближающие их с произведениями XV и XVI вв. Но заслуга писателей начала XVII в. не в том только, что они были верны старой традиции и представляли собой «совершенно самостоятельную струю в ходе московской письменности XVII в.»; в их произведениях мы находим ряд новых черт, которые возникают в литературе начала XVII в. не в результате каких-либо «влияний», а, как показали работы советских ученых-литературоведов, под воздействием самой жизни.⁴⁹

Из отдельных работ, опубликованных до Великой Октябрьской социалистической революции и касающихся повестей о «Смуте», необходимо упомянуть статью А. С. Орлова «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI и XVII вв.»⁵⁰ Вместе с другими памятниками древнерусской литературы автор разбирает здесь «Иное сказание» и «Повесть», приписываемую Катывреву-Ростовскому, которую считает наилучшим творением того времени.

После 1917 г. изучение памятников начала XVII в. вступает в новую фазу. Интерес к ним растет. Появляется ряд новых работ, посвященных выяснению различных вопросов и проблем, связанных с повестями «Смутного времени».

⁴⁷ Как правильно отмечено С. Ф. Платоновым и А. С. Орловым, «Повесть» составлена «исключительно в книжном стиле». Поэтика ее насквозь книжная, и лишь по недоразумению авторы общих курсов по истории русской литературы (Пыпин, Архангельский, Петухов), касаясь этой «Повести», говорят о присущей ей якобы народной традиции (см.: Н. К. Гудзий. Заметка о повести князя Катыврева-Ростовского Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 306—309).

⁴⁸ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период Изд. 3, Пгр, 1916, стр. 300.

⁴⁹ См. ниже о работах Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц в VIII и IX томах ТОДРА.

⁵⁰ ИОРЯС, т. XIII, кн. 4 (1909 г.), стр. 24—33.

Так, С. Ф. Платонов в статье «Старые сомнения»⁵¹ пересматривает вопрос о порядке появления редакций «Повести» Катырева-Ростовского и ставит вопрос о том, не была ли пространная редакция более ранней и наоборот. В той же статье он приходит к выводу, что Катырев был не автором, а лишь интерполятором «Повести», использовавшим чужой труд.

А. М. Ставрович в работе «Сергей Кубасов и Строгановская летопись»⁵² пытается решить вопрос об авторе «Повести» иначе: сличив Строгановскую летопись с «Повестью» Катырева, она категорически утверждает, что автором «Повести» является Сергей Кубасов, составитель Хронографа и Строгановской летописи. С. Ф. Платонов, наоборот, решительно отвергает авторство Кубасова.⁵³

Внимание историков по-прежнему привлекает и «Сказание» Авраамия Палицына. Ряд работ, посвященных «Сказанию», дает П. Г. Васенко. Ему принадлежит статья об Авраамии Палицыне в книге «Люди Смутного времени» (изд. Брокгауза и Эфрона) и несколько работ текстологического характера. В работе «Две редакции первых шести глав „Сказания“ Палицына»⁵⁴ Васенко сопоставляет первоначальную и окончательную редакции и пытается определить время их написания. Автор объясняет разночтения второй редакции большею частью стремлением к сокращению и литературными требованиями, не обращая внимания на то, что во второй редакции выпущены все наиболее острые политические места. После выхода в свет работы П. Г. Любомирова «Новая редакция „Сказания“ Авраамия Палицына»,⁵⁵ в которой автор анализирует новый список начальных глав «Сказания», найденный в собрании Забелина, и утверждает, что Забелинская редакция написана раньше Академической, Васенко пишет новую статью «Забелинская редакция первых шести глав „Сказания“ Авраамия Палицына»,⁵⁶ где возражает Любомирову. Он считает, что и Забелинская и Академическая редакции написаны в одно время, в 1612—1613 гг., и представляют собой авторские наброски-черновики Палицына. Последняя работа Васенко — «„Сказание“ Авраамия Палицына, как литературное явление»⁵⁷ — содержит отдельные замечания о литературной стороне «Сказания».

Для изучения «Повести 1606 г.» очень интересной и важной является статья Е. Н. Кушевой, развивающая новый по сравнению с предшествующими исследователями взгляд на взаимоотношение редакций повести и жизни царевича Димитрия, вошедшего в Минеи Тулупова.⁵⁸ Основываясь на найденных ею новых документах, автор по-новому разрешает вопрос о создании «Иного сказания» и его отношении к труду Авраамия Палицына, а также и о возникновении «Сказания о Самозванце». Если с некоторыми выводами статьи и нельзя согласиться, — так мало убедительной кажется гипотеза о появлении «Сказания о Самозванце» еще до воцарения Шуйского или утверждение, что полная редакция «Повести 1606 г.» возникла только в 20-е годы, когда создавалось «Иное сказание» в целом, — то вопрос о том, что наиболее ранней редакцией «Повести 1606 г.» является «Повесть, како восхити неправдою царский престол Борис Годунов»,

⁵¹ Сборник в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 172.

⁵² Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 285—293.

⁵³ См. статью «Старые сомнения».

⁵⁴ ЛЗАК за 1919—1922 гг. Пгр., 1923, стр. 1—38.

⁵⁵ Сборник, посвященный С. Ф. Платонову, стр. 226—248.

⁵⁶ Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 100—102.

⁵⁷ Доклады Российской Академии наук, 1924, октябрь—декабрь.

⁵⁸ Е. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского, 1926, вып. 2, т. V, стр. 21—97.

можно считать решенным. Вторая редакция «Повести», полная, вошедшая в «Иное сказание», была составлена, как убедительно доказывает автор статьи, из материалов краткой редакции и первого жития царевича Дмитрия, но, думается, возникла она не в 20-е годы XVII в. — в это время она в таком виде никому не была нужна, — а во время правления Шуйского.

Среди исторических трудов советского периода как особенно ценную для литературоведа следует отметить статью Л. В. Черепнина «„Смута“ и историография XVII века»;⁵⁹ работа по-новому освещает вопрос об источниках ряда памятников, в частности «Нового летописца», и вскрывает связи между отдельными историческими произведениями XVII в.

Большой вклад в изучение «Временника» дьяка Тимофеева сделал И. И. Полосин, напечатавший часть своей докторской диссертации, посвященной исследованию указанного писателя.⁶⁰ Работа содержит подробную, тщательно подобранную библиографию вопроса, показывающую ход изучения памятника, и пытается, основываясь на внимательном изучении его текста и единственной сохранившейся у нас рукописи «Временника», воссоздать время и историю написания памятника, определить его структуру, наконец, историю самой рукописи.

Очень многие наблюдения и выводы И. И. Полосина представляют несомненный интерес как для историка, так и для литературоведа и могут считаться вполне научно обоснованными и бесспорными; с некоторыми нельзя согласиться. Так, вызывают сомнения хронологические выкладки исследователя, устанавливающие время написания как всего памятника, так и его частей. Вряд ли приемлемо также утверждение, что «Временник» — это лишь архив дьяка Тимофеева, а не законченное произведение; если это можно с известной долей достоверности утверждать о последней части «Временника», носящей название «Летописец вкратце», то первая его часть никак не подходит под такое определение, так как отличается продуманностью построения и идейной цельностью.⁶¹

Значительный интерес должны были представлять те части работы И. И. Полосина, которые остались не написанными: они должны были исследовать «источники», «факты и идеи» и «язык и стиль» «Временника». Уже самая постановка вопросов, связанных с памятником, показывает, что эти главы имели бы большое значение для историка литературы.

* *
*

Первые работы литературоведов, появившиеся после Великой Октябрьской социалистической революции, посвящены выяснению частных вопросов, связанных или со всеми произведениями начала XVII в., или с каким-нибудь одним из них, и касаются преимущественно их формальных особенностей. Такова, например, статья Н. П. Попова «К вопросу о первоначальном появлении вирш в северорусской письменности»,⁶² устанавливающая, что зарождение вирш следует искать в памятниках начала

⁵⁹ Исторические записки, № 14. М., 1945, стр. 81—128

⁶⁰ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. 60, вып. 2. М., 1949, стр. 135—192.

⁶¹ См.: «Временник» Ивана Тимофеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), статья О. А. Державиной «Дьяк Иван Тимофеев и его Временник», там же подробное описание рукописи.

⁶² См.: ИОРЯС за 1917 г., т. XXII, кн. 2. Пгр., 1918, стр. 259—273.

XVII в., в частности у Авраамия Палицына и в «Ином сказании». Автор считает, что первых стихотворцев дал нам Троице-Сергиев монастырь. Дополнением к этой работе является статья В. П. Адриановой, напечатанная в тех же «Известиях».⁶³ Автор указывает, что стремление к рифмованной речи можно наблюдать уже в повести о царе Федоре Иоанновиче патриарха Иова и поэтому нет необходимости связывать возникновение вирш с Троице-Сергиевым монастырем.

О формальных особенностях говорит и статья А. С. Орлова «Повесть Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна».⁶⁴ Автор ставит перед собой задачу показать зависимость стиля «Повести», приписываемой Катыреву, от «Троянской истории». Статья состоит из ряда сопоставлений текста указанных памятников, которые подтверждают эту зависимость, и совершенно не касается композиции и идейного содержания «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому. Той же «Повести» посвящена «Заметка о повести князя Катырева-Ростовского» Н. К. Гудзия, выясняющая литературные связи «Повести» и источники ее поэтики.⁶⁵ В работах советских ученых-литературоведов мы видим попытки по-новому подойти к анализу памятников «Смутного» времени: они стремятся выяснить классовое лицо писателей, определить социально-политический резонанс самих произведений, их место и значение в свою эпоху и их литературные особенности.

Повести о «Смуте» включаются в учебники, печатаются в отрывках в хрестоматиях. Так, ряд отрывков из «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому, напечатан был во второй части «Историко-литературной хрестоматии» Н. А. Бродского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова⁶⁶ и в хрестоматии Н. К. Гудзия.

Из учебников наиболее известной является книга проф. Н. К. Гудзия, выдержавшая несколько изданий.⁶⁷ От издания к изданию повестям о «Смуте» в учебнике уделяется все больше внимания, однако и в последнем издании освещение этого вопроса нельзя считать достаточным. Автор начинает свой обзор повестей о «Смуте» коротким очерком исторических событий эпохи, а затем кратко разбирает «Новую повесть о преславном Российском царстве», «Повесть 1606 г.», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Сказание» Авраамия Палицына, «Летописную книгу», приписываемую Катыреву-Ростовскому, «Повести о Скопине-Шуйском» и «Послание дворянина к дворянину».

Автор не касается ряда ценных в литературном отношении памятников, таких, как «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание о Самозванце» или «Сказание о царстве царя Федора Иоанновича». Кроме того, что важнее, и разобранными памятниками автор учебника интересуется почти исключительно в связи с вопросом традиции и новации, недостаточно касаясь идейного содержания памятников и не вскрывая в каждом отдельном случае их связи с общественными настроениями начала XVII в.

Несомненным достоинством последнего издания «Хрестоматии» Н. К. Гудзия (1952 г.) является включение в число представленных в ней памятников начала XVII в. «Повести о видении некоему мужу духовну» и отрывков из «Сказания» Авраамия Палицына.

⁶³ ИОРЯС за 1921 г., т. XXVI. Пгр., 1923, стр. 271—276.

⁶⁴ Сборник статей в честь М. К. Любавского, стр. 73—98.

⁶⁵ Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 306—309.

⁶⁶ Историко-литературная хрестоматия, часть 2. Составлена Н. А. Бродским, Н. М. Мендельсоном и Н. П. Сидоровым. М.—Пгр., 1923.

⁶⁷ Н. К. Гудзий. 1) История древнерусской литературы. Изд. 6-е, М., Учпедгиз, 1956; 2) Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII веков. Изд. 5, исправленное и дополненное, М., Учпедгиз, 1952.

Учебник А. С. Орлова «Древнерусская литература X—XVII века»⁶⁸ отводит всему XVII в. всего 17 страниц, а на характеристику повестей о «Смуте» — 4½ страницы. Автор ограничивается лишь общим обзором некоторых памятников и такой же общей характеристикой их литературной манеры. В «Истории русской литературы», вышедшей под редакцией проф. В. А. Десницкого,⁶⁹ повестям о «Смуте» уделяется значительно больше места. После характеристики эпохи авторы учебника анализируют произведения, группируя их следующим образом: 1) литература, современная «Смуте» (сюда вошли «Повесть 1606 г.», «Новая повесть», «Повесть о Скопине-Шуйском», а также литературное творчество крестьянско-казацких масс), и 2) литературные воспоминания о «Смуте», куда входят: «Временник» Тимофеева, «Сказание» Палицына, «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина, «Летописная книга» Катыврева-Ростовского и новгородские и псковские сказания о «Смуте». Данные, которые сообщаются в учебнике, в настоящее время уже несколько устарели и в ряде случаев не полны. Ценным является привлечение таких памятников, как «Временник» Тимофеева и произведение Хворостинина.

Важным этапом в истории изучения литературы эпохи «Смуты» является выход в свет 2-й части II тома «Истории русской литературы».⁷⁰ В двух главах (1-й и 2-й, стр. 28—77), посвященных литературе 1590—1630-х годов, дан обзор всех памятников этого периода, начиная с повести патриарха Иова о царе Федоре Иоанновиче и кончая повестями об осаде шведами Тихвинского монастыря. О некоторых памятниках здесь говорится впервые. Раскрывается их содержание, идеология автора, художественные и стилистические особенности, выясняется связь повестей о «Смуте» с предшествующей литературой и друг с другом, а также те новые черты, которые отмечают произведения этого периода от ранее созданных памятников. Это первый в истории нашей науки полный обзор памятников начала XVII в., выполненный не историками, а литературоведами. Он является как бы итогом того, что было сделано по изучению литературы этого периода, и в то же время мы ощущаем здесь новый подход к материалу. Памятники подаются на широком историческом фоне, их идейное содержание увязывается с классовой и внутриклассовой борьбой эпохи. Явления литературы ставятся в связь с общим развитием культуры — с архитектурой и живописью, уясняется их связь с народным творчеством. Сведения, сообщаемые здесь, дают читателю довольно полное представление о литературе конца XVI—начала XVII в. Но за истекшие со времени выхода в свет этого тома восемь лет многие положения, высказанные в 1-й и 2-й главах, устарели, анализ некоторых произведений (например, «Временника» Тимофеева, «Сказания» Палицына и др.) кажется недостаточным. Таким образом, эта полезная книга, сыгравшая большую роль в деле изучения повестей о «Смуте», является уже пройденным этапом.

Одновременно с этими общими трудами появляются исследования, посвященные отдельным памятникам. В них пересматриваются заново вопросы, связанные с созданием того или иного произведения, изучается художественная структура произведения.

В работе «Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф 1617 г.»⁷¹ П. Г. Васенко дает анализ стиля и художественных приемов произведения и пробует разрешить вопрос об его авторе. «Повести

⁶⁸ Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

⁶⁹ Т. I, ч. 1, Учпедгиз, М., 1941.

⁷⁰ Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

⁷¹ Сборник статей. . . , посвященных С. Ф. Платонову, стр. 248—269.

о Скопине-Шуйском» рассматриваются в ценной работе В. Ф. Ржиги «Повести и песни о Михаиле Скопине-Шуйском»,⁷² где автор устанавливает прямую связь между литературой начала XVII в. и народным творчеством, и в статье М. А. Яковлева «Повесть о Михаиле Скопине-Шуйском (ее историческое значение)»,⁷³ где указаны издания «Повести», разобрано ее содержание, взаимоотношение и время написания двух ее редакций, а кроме того, подробно показано, как отразились в «Повести» исторические события того времени. Автор приходит к выводу, что литературные памятники могут служить весьма ценными историческими документами.

Интересна другая статья проф. М. А. Яковлева — «„Иное сказание“ (Повесть о крестьянском движении начала XVII века)».⁷⁴ В статье выясняется состав произведения, ставится и разрешается вопрос об авторе первой части — «Повести 1606 г.», определяется жанр произведения, являющегося, как указывает исследователь, летописной воинской повестью с яркими чертами публицистики, анализируются положительные и отрицательные образы, изобразительные средства и композиция «Сказания». Автор работы доказывает на убедительных примерах, что изобразительные средства произведения определяются его идейным содержанием. Удачно анализируется композиция произведения. По мнению автора работы, в ее основу положена политическая борьба Шуйских сперва с Годуновым, потом с Лжедмитрием I и, наконец, с Болотниковым; вокруг этой борьбы располагаются все события и образы «Сказания». В заключение в статье ставится вопрос о летописных заметках, помещенных в конце произведения, и устанавливаются связи «Иного сказания» с предшествующей литературой — летописью, Степенной книгой, Хронографом 2-й редакции, «Сказанием о Мамаевом побоище» и другими произведениями древнерусской литературы.

Первой части «Иного сказания» посвящена статья А. С. Орлова «Повесть 1606 года о восхищении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского».⁷⁵ Автор подробно рассматривает содержание той редакции «Повести», которая дана в «Ином сказании», ставит вопрос об источниках и анализирует художественные достоинства «Повести». В статье показывается развитие ее сюжета, раскрываются приемы композиции, характеристики исторических лиц. Большое внимание уделяется художественным приемам «Повести», частично традиционным, восходящим, как доказывает А. С. Орлов, к более ранним памятникам, в частности к Хронографу, частично представляющим собою новую литературную манеру автора, возникшую в начале XVII в. Но, говоря о происхождении «Повести» и взаимоотношении ее редакций, А. С. Орлов без достаточных оснований возводит ту и другую редакции к какой-то третьей, являющейся, по его мнению, протографом. В то же время он предполагает, что одним из источников «Повести 1606 г.» в редакции «Иного сказания» является первое житие царевича Димитрия, что вносит в вопрос о возникновении «Повести» неясность. Кроме того, А. С. Орлов в своей работе не принимает во внимание выводов упоминавшейся выше статьи Кушевой и не считается с ее убедительными выводами.

⁷² ИОРЯС, 1928, кн. 1, стр. 81—133

⁷³ Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. IV, вып. 2. Л., 1946, стр. 188—213.

⁷⁴ Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, факультет Русского языка и литературы, вып. 1. Л., 1933, стр. 183—232

⁷⁵ ИОЛЯ, т. V, вып. 1. М., 1946, стр. 27—46.

Следует упомянуть также ряд работ, посвященных изучению развития и отражения в памятниках XVII в. легенды о смерти царевича Димитрия Угличского. Первым, еще в дореволюционное время, обратился к этой теме В. Светозаров в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия»,⁷⁶ но его работа очень поверхностна и не дает ясного представления о возникновении и развитии легенды. Более глубоко подошел к той же теме А. А. Рудаков в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе».⁷⁷ Он привлекает большее количество памятников, устанавливает источник возникновения легенды, обращаясь к грамотам Шуйского и Марии Нагой — матери царевича, правильно указывает этапы, которые прошла легенда в своем развитии. Упрекая справедливо своего предшественника, Светозарова, в том, что он, говоря о развитии легенды, располагает памятники не в хронологическом порядке и допускает ряд сомнительных и рискованных заключений, А. А. Рудаков в свою очередь привлекает далеко не все произведения, в которых в том или ином виде рассказывается легенда о царевиче Димитрии; новые подробности, появляющиеся в отдельных вариантах легенды, он склонен в ряде случаев без достаточного основания приписывать личному творчеству данного автора, объясняя это «стремлением к логичности и улучшению рассказа».

Той же проблеме посвящена была кандидатская диссертация автора данной статьи «Повесть о царевиче Димитрии Угличском в памятниках XVII века».⁷⁸ В диссертации привлекаются все памятники, в которых история царевича Димитрия так или иначе используется, выявляются источники легенды и вновь возникающих подробностей, выясняется связь между отдельными произведениями, рассказывающими о смерти царевича. Автор рассматривает также исторические песни, в которых отражена легенда, и влияние ее на иконопись и миниатюру. Одна из глав диссертации, посвященная анализу образов повести о царевиче, как они даны в произведениях писателей XVII в., напечатана.⁷⁹ Автор указывает здесь на новый подход к образу человека, к изображению человеческого характера в повестях, отражающих события «Смуты».

Упомяну еще несколько ненапечатанных диссертаций, имеющих прямое отношение к нашей теме и представляющих несомненный интерес. Это, во-первых, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. И. Прокофьева на тему «„Видения“ крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века. (Из истории жанров литературы русского средневековья)» и, во-вторых, диссертация Л. Кутиной на тему «Лексика исторических повестей о Смутном времени. (Из истории русского литературного языка XVII века)». Если вторая работа интересна для литературоведа лишь частично, некоторыми своими наблюдениями, то первая, изучающая такой любопытный жанр древней литературы, как «видения», представляет исключительный интерес для каждого изучающего литературу русского средневековья. Приходится пожалеть, что эта интересная и талантливая работа до настоящего времени ни целиком, ни в отрывках нигде не напечатана. Диссертация А. И. Филатовой

⁷⁶ Русская старина, 1913, февраль.

⁷⁷ Исторические записки, № 12. М., 1941, стр. 254—283.

⁷⁸ Основные положения работы нашли отражение в статье «Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия (хранящиеся в Отделе рукописей ВБЛ)», напечатанной в «Записках» Отдела рукописей ВБЛ (вып. 15, М., 1953, стр. 78—117).

⁷⁹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. VII, Кафедра русской литературы, вып. 1 Учпедгиз, М., 1946, стр. 21—34.

«Черты нового в исторической повести 20-х годов XVII века»⁸⁰ посвящена анализу «Иного сказания» и «Сказания» Авраамия Палицына и хотя имеет ряд существенных недостатков (несоразмерность частей, отсутствие анализа композиции произведений, поверхностное освещение некоторых вопросов, поспешные утверждения и пр.), все же небезынтересна, так как разрешает ряд вопросов, связанных с литературной стороной памятников.

В 1951 г. в серии Академии наук СССР «Литературные памятники» был издан «Временник» Тимофеева с переводом и комментариями. В статье, сопровождающей издание, О. А. Державина пытается главным образом дать анализ политических и общественных взглядов автора «Временника» и лишь попутно касается его литературной манеры. Широко развернуть литературный анализ произведения не позволили рамки статьи.

В 1955 г. Институтом русской литературы АН СССР издано «„Сказание“ Авраамия Палицына». Книга содержит полный текст памятника и текст первой редакции начальных глав, археографический и исторический комментарий и сопровождается статьями Л. В. Черепнина и О. А. Державиной. В первой рассматриваются политические взгляды Палицына, во второй дается общий анализ произведения, ставится и по-новому решается вопрос об авторе и раскрываются идейное звучание и художественные особенности и достоинства всех его частей.

Статья О. А. Державиной «К истории создания „Летописной книги“, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому»,⁸¹ ставит своей задачей выяснить вопрос о создании «Повести» и об участии в этом князя Катырева-Ростовского. Автор пытается по-новому разрешить эти вопросы, основываясь на анализе стиля первой редакции «Повести», определяет, что в основу «Повести», последним редактором которой был Катырев, положен рассказ о первом Самозванце, дополненный потом каким-то любителем украшенного стиля, обратившимся за художественными средствами к переводу «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

В заключение необходимо отметить две работы, касающиеся произведений начала XVII в. и напечатанные в последних выпусках ТОДРА. В VIII т. ТОДРА помещена статья Д. С. Лихачева «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века», в IX т. — статья В. П. Адриановой-Перетц «Исторические повести XVII века и устное народное творчество». Д. С. Лихачев в своей работе выясняет принципиальное отличие исторических трудов XVII в. от подобных же произведений предшествующих эпох. Показывая на примере Хронографа 1617 г., «Временника» Тимофеева, труда князя Ивана Хворостинина и других памятников начала XVII в. новое отношение писателей к человеческой личности, их попытки раскрыть и объяснить противоречия человеческого характера, Д. С. Лихачев выясняет исторические корни этих новых воззрений на человеческую личность. Он справедливо видит здесь один из случаев проявления новых реалистических элементов в русской литературе.

В. П. Адрианова-Перетц рассматривает связь исторических повестей XVII в. с народным творчеством, привлекая «Повесть о Скопине-Шуйском», «Послание дворянина к дворянину» и воинские повести донских казаков. Элементы народного творчества указывает она и в «Сказании о царстве царя Федора Иоанновича и о убиении брата его, царевича Димитрия Иоанновича Углицкого». Сближение литературы с народным

⁸⁰ Свердловск, 1949.

⁸¹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Погемкина, т. XLVIII, вып. 5. М., 1955, стр. 29—45.

творчеством в XVII в. в статье объясняется тем, что «после крестьянской войны начала XVII века значительный рост роли в общественно-политической жизни Московского государства демократического лагеря, противостоявшего феодальной реакции, способствовал созданию новой демократической интеллигенции, которая приняла деятельное участие в развитии литературы. . . Новый автор, как и его читатель, энергично заявлял права на литературное применение живого языка, на смелое сближение с устным творчеством народа». Это было, по мысли автора статьи, «проявлением могучего процесса освобождения человеческой мысли от многовековой власти над ней церковной идеологии».

В работах Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц обнаруживается свежий подход к теме и намечаются перспективы дальнейшего изучения памятников русской литературы начала XVII в.
